

DOI: 10.31857/S0321507525020019

Российско-китайское стратегическое партнерство. Теория и практика

© Петровский В.Е.^a, 2025

^a Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7714-1344; petrovsk4@gmail.com

Резюме. Формула российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства нуждается не только в эмпирическом описании и изучении, но и в теоретическом обосновании. Необходим анализ феномена стратегического партнерства с точки зрения современной теории международных отношений, включая западную, российскую и китайскую. Также нуждаются в рассмотрении и анализе партнерства и стратегические партнерства в современной дипломатической практике Китая.

Основные признаки российско-китайских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства включают в себя политическое и стратегическое взаимное доверие; механизмы обмена и сотрудничества на высоком уровне и в различных областях; координацию стратегий развития; укрепление социально-общественной основы взаимных отношений; стратегическую координацию в сфере внешней политики, а также совместное реагирование на угрозы и вызовы международной безопасности.

Перспективы развития российско-китайских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства будут зависеть от осознания сторонами его нелинейного характера, оптимального баланса общности и различий во взглядах и подходах, а также определения направлений эволюции стратегического партнерства.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, теория международных отношений, дипломатическая практика, российско-китайские отношения, партнерства и альянсы, координация политики, всеобъемлющее стратегическое партнерство

Для цитирования: Петровский В.Е. Российско-китайское стратегическое партнерство. Теория и практика. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S0321507525020019

Russia-China Strategic Partnership. Theory and Practice

© Vladimir Ye. Petrovskiy^a, 2025

^a Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7714-1344; petrovsk4@gmail.com

Abstract. The formula of the Russian-Chinese comprehensive strategic partnership requires not only an empirical description and study, but also a theoretical justification. It is necessary to analyze the phenomenon of strategic partnership from the perspective of modern international relations theory, including Western, Russian and Chinese ones. Partnerships and strategic partnerships in modern diplomatic practice of China also need to be considered and analyzed.

The main features of the Russian-Chinese relations of comprehensive strategic partnership include political and strategic mutual trust; mechanisms of exchange and cooperation at the high level and in various fields; coordination of development strategies; strengthening the social and public basis of mutual relations; strategic coordination in the sphere of foreign policy, as well as a joint response to threats and challenges to international security.

The prospects for the development of Russian-Chinese relations of comprehensive strategic partnership will depend on the parties' awareness of its non-linear nature, the optimal balance of commonality and differences in views and approaches, as well as determining the directions of the evolution of the strategic partnership.

Keywords: strategic partnership, international relations theory, diplomatic practice, Russian Chinese relations, partnerships and alliances, policy coordination, comprehensive strategic partnership

For citation: Petrovskiy V.Ye. Russia-China Strategic Partnership. Theory and Practice. *Asia and Africa today*. 2025. № 2. Pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525020019

ВВЕДЕНИЕ

Отмечавшееся в 2024 г. 75-летие установления дипломатических отношений между СССР (Россией) и Китаем стало уместным поводом для рассмотрения и анализа формулы российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства, которую лидеры КНР и РФ оценили как «пример выстраивания межгосударственных отношений нового типа и отношений между крупными соседями»¹.

С этой целью нами рассмотрены представления о феномене стратегического партнерства в современной теории международных отношений, проанализирована роль партнерств и стратегических партнерств в новейшей дипломатической практике Китая, дана оценка особенностям и характеристикам российско-китайского стратегического партнерства, а также перспективам его развития.

Советско-китайские, а затем российско-китайские отношения прошли путь от военно-политического альянса, основанного на общих коммунистических ценностях, до отношений стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия. Идеологическая основа отношений оказалась неустойчивой – лидеры СССР и КНР стали бороться за первенство в мировом коммунистическом движении и почти довели наши страны до состояния войны.

Последние 75 лет научили наши страны главному – умению выстраивать дружеские добрососедские отношения на основе учета суверенных интересов друг друга. При этом не превращая эти отношения в альянс или союз (отношения такого типа, носящие чрезмерно обязывающий характер и предполагающие частичную утрату суверенитета, постепенно уходят в прошлое). Китайская народная мудрость – «ближний сосед лучше дальнего родственника» – подходит здесь лучше всего.

ТЕОРИЯ О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПАРТНЕРСТВАХ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

По общим представлениям теоретиков, осуществляющих обзор концепций и подходов к изучению стратегических партнерств, в изучении международных отношений и внешнеполитической деятельности до сих пор не получила развития полноценная теория стратегического партнерства. Однако были предприняты шаги по формированию концепции стратегического партнерства, в отличие от таких родственных идей, как «альянс», «коалиция» или «сообщество безопасности».

Стратегические партнерства рассматриваются учеными и экспертами (Tyushka Andriy², Czechowska Lusyna³ и др.) как новый способ международного взаимодействия и вектор внешнеполитического объединения в полицентричном и многополярном мире. Стратегические партнерства также становятся тенденцией во внешней политике, причем их отсутствие во внешнеполитическом арсенале того или иного международного актора имеет не меньшее значение, чем их практическое использование (см.: [1, p. 11]).

В свою очередь, ряд российских исследователей (напр., Ю.Г.Жеглова) формулируют определение стратегического партнерства как юридически не обязывающего консенсуса между двумя или несколькими сопоставимыми акторами относительно объективно обусловленной стратегической направленности их взаимодействия на международной арене, степени общности стратегических интересов и целей, готовности согласованно действовать на равноправной основе на базе международного права и не в ущерб третьим сторонам [2, с. 119–120].

Из такого определения вытекает ряд характеристик стратегического партнерства в межгосударственных отношениях:

– объективная обусловленность пониманием общности долгосрочных национальных интересов каждой из сторон;

¹ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров 16 мая 2024 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74049> (accessed 19.05.2024)

² Андрей Тюшка – ст.н.с. кафедры европейской политики сотрудничества, Европейский колледж (кампус Натолин, Варшава) (прим. ред.).

³ Люцина Чеховска – доцент кафедры истории дипломатии факультета политологии и международных исследований Университета Николая Коперника (Польша) (прим. ред.).

- консенсусная основа и возможность отсутствия юридических обязывающих решений, но при этом наличие с обеих сторон институционализированных каналов взаимодействия;
- регионально-глобальный масштаб;
- примерный паритет в военной, экономической мощи и дипломатическом влиянии;
- равноправие партнеров;
- соответствие международному праву;
- вероятность дискретного характера развития [2, с. 119–120].

Поскольку феномен стратегического партнерства рассматривался российскими исследователями (напр., И.А.Новиков) в основном через призму взаимоотношений России и Европейского союза, они, со своей стороны, выделяли нижеследующие основные критерии стратегического партнерства:

- обоюдная заинтересованность партнеров в сотрудничестве и большое количество сфер для сотрудничества;
- принципиально важные стратегические цели, достижение которых возможно лишь при серьезной координации усилий сторон;
- долгосрочный характер отношений;
- правовая база партнерства, где закреплено содержание сотрудничества и механизмы его реализации;
- существование устоявшихся механизмов, посредством которых реализуется стратегическое партнерство;
- способность сторон учитывать интересы друг друга, идти на компромиссы, поддерживать партнера, даже если в этом нет очевидной выгоды;
- взаимный отказ от дискриминационных и ультимативных действий в отношении партнера;
- общие ценности, лежащие в основе политической системы партнеров;
- эффективность – результаты партнерства должны затрагивать не только политические элиты, но и общество в целом, касаться жизни рядовых граждан [3, с. 118].

При этом, по представлениям западных ученых, всеобъемлющее стратегическое партнерство представляет собой более высокий уровень сотрудничества, чем стратегическое партнерство. Оно указывает на важность и значимость сотрудничества между двумя или несколькими сторонами, имеющими долгосрочные интересы; высокий уровень политического доверия; оказывающими взаимное содействие друг другу, в целях реализации всестороннего сотрудничества в тех областях, в которых стороны, подписавшие его, имеют общие интересы – политические, экономические, культурные и др. Это партнерство ориентировано на конкретные цели, а также долгосрочное сотрудничество [4].

ПАРТНЕРСТВА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРСТВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ КИТАЯ

Для понимания сущности и содержания российско-китайского стратегического партнерства также важны китайские теоретические представления о партнерствах и их отражение в современной китайской дипломатической практике.

Как подчеркивают китайские теоретики и исследователи международных отношений, у Китая нет строгих и четких условных стандартов позиционирования различных дипломатических отношений со званием «партнер», оно в основном определяется путем консультаций на основе пожеланий обеих сторон, при этом подчеркивается гибкость и автономия. «Партнерские отношения», установленные Китаем, богаты и разнообразны, насчитывая более 20 типов [5].

По оценкам китайских специалистов в области международных отношений, к 2023 г. Китай установил различные формы партнерства более чем со 110 странами и региональными организациями [8].

Если западные теории международных отношений часто оперируют понятием «альянс», то Китай делает упор на «партнерствах», а не на «союзнчестве» [6]. Сущность китайских представлений сводится к тому, что в условиях обострения стратегической конкуренции между крупными державами Китай придерживается внешней политики «партнерств без альянса». «С макроэкономической точки зрения, Китай имеет самый высокий уровень построения партнерства с соседними странами и самую плотную партнерскую сеть, включая всеобъемлющее стратегическое партнерство с Россией в новую эпоху» [7].

По мнению китайских теоретиков, «стратегическое партнерство» является наиболее распространенным в современных международных отношениях, а также самым многочисленным типом партнерства в Китае. «Стратегия», по их представлениям, по своему макрозначению и общему направлению часто означает более высокий уровень двусторонних политических отношений. Это не только показывает, что двусторонние обмены и сотрудничество в различных областях весьма близки, но и то, что обе стороны осуществляют координацию и сотрудничество в международных и региональных делах.

В настоящее время во внешних отношениях Китая существует более 80 пар партнерств, в которых используется слово «стратегический», что подчеркивает широту и глубину сети глобального партнерства Китая [5].

Анализируя действия Китая, западные исследователи приходят к выводу, что его выбору партнеров способствуют 3 фактора.

- Во-первых, столкнувшись с США как с единственной сверхдержавой в эпоху после холодной войны, Китай стремится полагаться на своих партнеров, чтобы противостоять американскому давлению.

- Во-вторых, Китай уделяет большое внимание развитию сотрудничества с соседними странами посредством партнерств. Это свидетельствует о том, что поддержание стабильного окружения за пределами своих границ является главным приоритетом для Китая.

- Наконец, страны, которые могут способствовать усилиям Китая по модернизации, с большей вероятностью станут его партнерами, поскольку это соответствует долгосрочной цели Китая по превращению в современную страну к середине XXI в. [9, p. 79].

Последний вывод подтверждается тем, что в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП) – флагманского проекта китайской внешней и внешнеэкономической политики – с китайской стороны подразумевается, что страны, которые подписали инвестиционные соглашения с Китаем или иным образом согласились участвовать в реализации ИПП, также вступили с в стратегическое партнерство с Китаем [10, p. 10].

Понятие «партнерства» и «стратегического партнерства» также встраивается китайскими теоретиками в концепцию «сообщества единой судьбы человечества»: «С системной точки зрения сообщество единой судьбы человечества состоит из трех элементов. Первый – определение партнерств по строительству сообщества. Второй – создание глобальной партнерской сети для решения проблем развития. Третий – обеспечение с помощью этой сети глобального общественного блага» [11]. Как отмечают российские исследователи, две крупнейшие державы Евразии в основном разделяют подходы к мировой политике, взгляды на будущее человечества и в целом весьма близки с мировоззренческой точки зрения (см., например, [18]).

ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

И западные, и китайские, и российские исследователи признают, что стратегическое партнерство между Китаем и Россией является одним из наиболее значимых в политическом, стратегическом и идеологическом плане. Отмечается, что оно «основано на широкомасштабном договоре о добрососедстве и обширном военном сотрудничестве», и тем самым подчеркивается роль нормативного измерения в стратегическом партнерстве Китая и России [10, p. 10].

Очевидно, подразумевается подписанный в 2001 г. российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Этот документ стал подлинно исторической вехой в отношениях между двумя странами. Его выработка и принятие ознаменовали новый, принципиально важный этап в дальнейшем развитии отношений между Россией и КНР. В нем закреплены базовые принципы и концептуальные основы современных российско-китайских отношений, определены главные направления и сферы сотрудничества сторон на длительную перспективу, обозначены векторы построения справедливого, демократического и полицентричного международного порядка.

Общее значение Договора состоит в том, что после того, как истекло действие не продленного в свое время советско-китайского Договора от 14 февраля 1950 г., был вновь выстроен юридический фундамент двусторонних отношений. Кроме того, в новом Договоре – документе высшей правовой

межгосударственной силы – суммированы и закреплены как базовые наработки предыдущего десятилетия, так и некоторые принципиально новые положения.

Прежде всего, Московский договор зафиксировал определение, которое с той поры применяется для характеристики нынешних двусторонних отношений – «равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие».

Далее, Договор подчеркнул основные принципы российско-китайских отношений – общепризнанные нормы международного права, включая взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование, отказ от применения силы, мирный способ решения проблем.

Один из наиболее важных универсальных принципов такого рода – взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности – был подкреплен пунктом о том, что Россия и Китай поддерживают друг друга в деле защиты государственного единства и других подобных вопросах.

Столь же значимым тезисом Договора стал пункт об уважении выбора пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанного каждой из сторон в соответствии со своими внутренними условиями. Трудно переоценить появление в Договоре принципиально важной формулировки по пограничному вопросу, в соответствии с которой стороны, «с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий», заявили о «решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия».

В ст. 9 Договора сформулировано положение, свидетельствующее о высокой степени взаимного доверия. В ней говорится, что в случае возникновения ситуации, которая может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасности одной из сторон, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из договаривающихся сторон Россия и Китай «незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы».

Договор также сформулировал принципы, формы и направления внешнеполитического взаимодействия двух стран. Отправное значение при этом имеет пункт о том, что стороны прилагают совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, а также всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договоренностей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности. Особо подчеркнута ненаправленность договорных отношений РФ и КНР против третьих стран.

Не требующее вступления в союз, не направленное против третьих стран, деидеологизированное, долговременное равноправное партнерство на общепризнанных принципах международного права – это тот тип отношений, который, как показывает практика, оказывается востребованным далеко за рамками собственно российско-китайских отношений.

Кстати, именно по предложению российской стороны в преамбулу Договора вошла утвержденная руководителями России и Китая формула равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия [12].

Директор Евразийского департамента МИД КНР Гуй Цунью выделил следующие основные признаки высокого уровня развития китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства:

- Политическое и стратегическое взаимное доверие между двумя сторонами достигло беспрецедентно высокого уровня.
- Механизмы обмена на высоком уровне и сотрудничества в различных областях между двумя странами надежны и постоянно совершенствуются.
- Обе страны активно согласовывают свои стратегии развития.
- Социально-общественная основа отношений между двумя странами все более укрепляется.
- Две страны осуществляют тесную стратегическую координацию в международных и региональных делах.
- Обе страны работают вместе, чтобы реагировать на угрозы и вызовы глобальной безопасности [13].

Внешнеполитическая координация, как полагают в России и в Китае, играет ключевую роль в функционировании и развитии двустороннего стратегического партнерства. «Хотя Китай и Россия имеют разные национальные характеры, дипломатические традиции и стратегическую культуру, а их роли и

функции на международной арене не совсем совпадают, обе стороны поддерживают друг друга в международных делах, а планы Китая и России дополняют друг друга».

Обе стороны укрепляют взаимодействие в многосторонних механизмах (ШОС, «Группа 20», БРИКС, ООН), а также координируют позиции по региональным проблемам, таким как урегулирование ситуации на Корейском полуострове и иранская ядерная проблема [14].

При этом китайские исследователи неизменно подчеркивают один немаловажный нюанс: хотя Китай и Россия являются «всеобъемлющими стратегическими партнерами по координации», они не могут реально сотрудничать по всем вопросам, особенно тем, которые касаются отношений Китая и России с некоторыми третьими странами, сталкиваются со своими соответствующими отношениями с другими странами. В этой связи упоминаются, в частности, территориальные споры Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море или пограничные трения между Китаем и Индией [15].

Однако китайские исследователи неизменно констатируют, что фактор третьих сторон лишь в отдельных случаях положительно или отрицательно влияет на глубину и широту стратегической координации Китая и России, поскольку российско-китайское стратегическое партнерство самодостаточно, хотя и ограничено национальными интересами каждой из наших стран. «Независимо от того, насколько плохими становятся отношения между Китаем и США или насколько хорошими становятся отношения между Китаем и Россией, мы не должны ожидать, что Россия будет безоговорочно стоять на стороне Китая или сражаться в наших войнах» [16, p. 36].

В целом выстраивать отношения, подобные российско-китайским, сложнее, чем просто вступать в союз со старшим или младшим партнером. У таких стран, как Китай и Россия, не может быть близкого или полного совпадения национальных интересов, а потому приходится учиться принимать решения самостоятельно, но учитывая взаимные интересы и координируя свою стратегию и политику соответствующим образом. «Координация» здесь – ключевое понятие, и в контексте российско-китайских отношений оно важнее и сложнее, чем просто сотрудничество.

Сам термин «сотрудничество» сейчас становится эвфемизмом для отношений старшего и младшего так или иначе. А координация – это действительно взаимоотношения, при которых стороны принимают решения самостоятельно, но с учетом интересов друг друга. Это гораздо сложнее, чем просто сотрудничество.

Конечно, не хочется рисовать благодатную картину российско-китайских отношений, у них есть свои проблемы и нерешенные вопросы. Но у сторон есть взаимное желание постепенно решать эти вопросы и двигаться вперед. Такова логика – сначала быстро решаются сравнительно легкие задачи, а потом приходится приступать к более трудным, требующим терпения и взаимных уступок.

Принято, например, считать, что российско-китайские торгово-экономические отношения отстают от двустороннего политического диалога по уровню и размаху. Сравнивают взаимный товарооборот с американо-китайским, который в семь раз больше. Но забывают при этом, что торгово-экономические отношения двух стран определяются возможностями и потребностями наших стран в условиях рыночной экономики – не более и не менее.

И здесь сравнение с американо-китайскими отношениями весьма уместно – тесная торгово-экономическая взаимозависимость двух стран не уберегла их от торговой войны, навязанной Вашингтоном. По сути дела, и Россия, и Китай оказались в условиях беспрецедентного давления со стороны США, будь то антироссийские санкции или попытки лишить китайскую экономику конкурентных преимуществ, используя нерыночные методы.

Но это не означает, что стороны намерены обсуждать создание некоего «антиамериканского альянса». Это полностью противоречило бы сути российско-китайских отношений, которые не направлены против третьих стран. Россия и Китай не «дружат против» кого-то, как это часто представляют на Западе. Предпринимавшиеся в прошлом попытки выстраивать геополитический треугольник США – Китай – Россия для ведения игры с нулевым результатом показали свою бесперспективность.

Российско-китайские отношения самоценны и самодостаточны. Однако политика новой американской администрации, будь то в военно-политической сфере или в сфере мировой торговли, будет, скорее всего, создавать общий негативный фон для российско-китайских отношений (как и для мировой экономики и политики в целом).

Это делает координацию стратегий развития КНР и РФ, а также координацию внешней политики и международной деятельности наших стран еще более актуальной и востребованной. Это касается не

только различных аспектов двусторонних отношений, особенно торгово-экономических (которым нужно придать дополнительную устойчивость в условиях американского давления), но и позиции наших стран относительно существующей в мире системы стратегической стабильности и глобального экономического управления, которые администрация Трампа последовательно разрушает.

Россия и Китай переросли формат традиционного военно-политического альянса еще и потому, что он устарел, поскольку предполагает чрезмерную зависимость друг от друга в принятии самостоятельных решений и так или иначе ограничивает суверенное право принятия решений в чувствительных областях. Но если взять, например, военное и военно-техническое сотрудничество, то у России и Китая взаимодействие в этой сфере даже глубже, чем у союзников по НАТО. Один только пример: Россия помогает Китаю создавать систему предупреждения о ракетном нападении. Союзники США по НАТО даже мечтать ни о чем подобном не могут, хотя у них формальный союз.

Пока сохраняется ситуация, которую китайская сторона определяет как «наверху жарко – внизу холодно», когда политические лидеры поддерживают хорошие отношения, но многие вопросы конкретного торгово-экономического взаимодействия остаются нерешенными. Главная проблема российско-китайских отношений – как конвертировать взаимное политическое доверие, когда наверху действительно «тепло и горячо», в практические результаты в самых разных сферах.

Есть еще такая проблема, когда российское и китайское руководство на высшем политическом уровне о чем-то договаривается, но далее надо добиваться выполнения этих решений. И здесь вступают в силу две большие государственные бюрократические машины – российская и китайская. Каждая со своими традициями и действует не всегда расторопно.

В этой связи нельзя не упомянуть о ситуации с взаиморасчетами между Россией и Китаем, которая в условиях усилившегося санкционного давления требует серьезной проработки и принятия новых решений с учетом сложившейся ситуации.

Как известно, финансовые транзакции либо замораживаются, либо сильно задерживаются. Осуществить прямые платежи из Китая в Россию, даже при использовании юаней, практически почти невозможно. Становится все сложнее найти альтернативные способы оплаты, в т.ч. при помощи криптовалют или промежуточных стран. Использование третьей валюты также не решает проблему, поскольку и она может стать объектом ограничений. Идеи разработки механизма для проведения финансовых транзакций и дедолларизация взаимной торговли в рамках БРИКС пока вызывает сомнения с китайской стороны, которая предпочла бы использование для этого китайского юаня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как будет развиваться российско-китайское стратегическое партнерство? И какое будущее его ждет?

С одной стороны, в теории международных отношений устоялось представление о том, что стратегическое партнерство является одним из уровней международных отношений, находящимся между тактическим партнерством и союзничеством [17, с. 46].

С другой стороны, лидеры наших стран неизменно подчеркивают, что российско-китайские отношения превосходят по своему уровню и содержанию традиционные военно-политические союзы и не нуждаются в соответствующем формальном оформлении.

Китайские теоретики предлагают в этой связи свою компромиссную трактовку: «От партнерства к стратегическому партнерству, к стратегическому партнерству на высоком уровне, а затем к построению двустороннего сообщества с единой судьбой, это представляет собой относительно естественную лестницу для развития отношений» [7].

Как бы то ни было, достигнутый Россией и Китаем уровень всеобъемлющего стратегического партнерства не представляется чем-то неизменным и необратимым, и вряд ли уместно говорить здесь о «конце истории».

Сторонам следует не констатировать линейный характер развития своих отношений, а постоянно задаваться вопросами:

- Каким может быть оптимальное соотношение общности и различий в их взглядах и подходах?
- Какими могут быть направления эволюции стратегического партнерства, коль скоро оно является динамичной, а не статичной конструкцией?

– Нужно ли ставить ориентиры развития отношений или отдать предпочтение объективному процессу совершенствования того, что уже достигнуто?

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Tyushka Andriy & Czechowska Lucyna. Strategic partnerships, international politics and IR theory. *States, international organizations and strategic partnerships*. 2019. Pp. 8–43. DOI: 10.4337/9781788972284.00010
2. Жеглова Ю.Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. Т. 7, № 3. С. 115–122.
Zhiglova Yu.G. 2014. Strategic partnership as a format of interstate relations. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2014. Vol. 7, № 3. Pp. 115–122. (In Russ.)
3. Новиков И.А. Стратегическое партнерство как феномен международной политики (анализ отношений Россия – Евросоюз). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История*. 2010. № 1(17). С. 117–124.
Novikov I.A. 2010. Strategic partnership as a phenomenon of international politics (analysis of relations between Russia and the European Union). *Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History*. № 1 (17). Pp. 117–124. (In Russ.)
4. Casarini N. 2009. Remaking Global Order: The Evolution of Europe-China Relations and its Implications for East Asia and the United States. Oxford University Press. P. 93.
5. 项昊宇. 中国的“伙伴”关系有哪些? (Сян Хаюй. Что такое «партнерские отношения» Китая). *中国国际问题研究院 (Китайский Институт международных исследований)*. 2023-20-10). (In Chin.). https://www.ciis.org.cn/yjcg/sspl/202310/t20231020_9097.html (accessed 19.05.2024)
6. 孙吉胜. 中国外交实践与国际关系理论发展, *国际政治科学*. (Sun Jisheng. China's diplomatic practice and the development of international relations theory. *Quarterly Journal of International Politics*. 2022. 7 (4). Pp. 27–53). (In Chin.)
7. 周方银. 中国特色大国外交中的伙伴关系. (Чжоу Фангинь. Партнерство в дипломатии крупных стран с китайской спецификой). *中国社会科学网 (Китайская сеть общественных наук*. 2023-07-27). (In Chin.). https://www.cssn.cn/skyl/202307/t20230727_5670714.shtml (accessed 19.05.2024)
8. 杨洁勉. 习近平外交思想指导构建大国关系新格局. *国际问题研* (Ян Цзэмянь. 2023. Идеи Си Цзиньпина о дипломатии направляют построение новой модели отношений между крупными державами). *国际问题研究 (Международные исследования)*. Вып. 5. С. 16. (In Chin.). <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/202311/P020231109568806705519.pdf> (accessed 19.05.2024)
9. Quan Li, Min Ye. 2019. China's emerging partnership network: what, who, where when and why. *International Trade, Politics and Development*. Vol. 3. Iss. 2. Pp. 66–81.
10. Michalski A. 2019. Diplomacy in a Changing World Order: The Role of Strategic Partnerships. The Swedish Institute of International Affairs. UI.SE Paper 10. 21 p.
11. 翟崑. 以高质量伙伴关系促进人类命运共同体建设 (Чжай Кунь Содействие построению сообщества с единой судьбой человечества посредством высококачественных партнерств). *学术前沿 (Академические рубежи)*. 2022. Вып. 11. С. 14–20. (In Chin.). https://ciss.tsinghua.edu.cn/upload_files/atta/1672449525278_B3.pdf
12. Гончаров С. Чжоу Ли. Фундамент для отношений. О переговорах по российско-китайскому Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. *Россия в глобальной политике*. № 4. 2021. С. 138–152. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-138-152
Goncharov S. Zhou Li. Foundation for relationships. On negotiations on the Russian Chinese Treaty of Good Neighborhood, Friendship and Cooperation. *Russia in Global Affairs*. № 4. 2021. Pp. 138–152. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-138-152
13. 桂从友. 深化中俄全面战略协作 共同谱写合作共赢新篇章. (Гуй Цунью. Углублять комплексное стратегическое сотрудничество Китая и России и совместно писать новую главу взаимовыгодного сотрудничества). *中国人民外交学会 (Китайский народный институт иностранных дел)*. (In Chin.). <https://www.cpifa.org/cms/book/91> (accessed 17.04.2024)
14. 尚月. 新时代的中俄关系与俄罗斯亚太外交. (Шан Юэ. Китайско-российские отношения в новую эпоху и российская дипломатия в Азиатско-Тихоокеанском регионе). *中国现代国际关系研究院 (Китайская академия современных международных отношений)*. 21.12.2020. (In Chin.). <http://www.cicir.ac.cn/NEW/opinion.html?id=08476089-1ca1-4f1e-9f8c-1b16136361be> (accessed 21.05.2024)
15. 梁云祥, 陶涛. 中俄关系的历史演变与未来趋势 (Лян Юньсян, Тао Тао. Историческая эволюция и будущие тенденции развития китайско-российских отношений). *人民论坛学术前沿 (Народный форум Академические рубежи)*. Ноябрь 2018. (In Chin.). <http://www.rmlt.com.cn/2019/0314/541975.shtml> (accessed 10.05.2024)

16. Guihai Guan. Thirty years of China–Russia strategic relations: achievements, characteristics and prospects. *China International Strategy Review* (2022) 4:21–38. <https://doi.org/10.1007/s42533-022-00101-6>
17. Воробьев А.В. Сущность стратегического партнерства в международных отношениях. *Этносоциум*, 9 (171). 2022. С. 138–147.
Vorobyov A.V. The essence of strategic partnership in international relations. *Ethnosocium*, 9 (171). 2022. Pp. 138–147. (In Russ.)
18. Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России. М., 2024.
Babyev K.V., Luzyanin S.G. 2024. Turn East. East Asian Vector of Russia. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петровский Владимир Евгеньевич, академик Академии военных наук, доктор политических наук; зав. сектором «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Vladimir Ye. Petrovskiy, Member, Russian Academy of Military Sciences, Dr.Sc. (Political Science), Head, Sector “Russia, China and the World”, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 11.11.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.12.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.01.2025